

ИРИНА СЕРГЕЕВНА МАТАШИНА

аспирант, Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН – обособленное подразделение Федерального государственного бюджетного учреждения науки Федерального исследовательского центра «Карельский научный центр Российской академии наук» (Петрозаводск, Российская Федерация)
irinadesh@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ИЗОБРАЖЕНИЯ ХЕЛЬСИНКИ В РОМАНЕ ЧЕЛЯ ВЕСТЁ «МИРАЖ 38»

Выявляются особенности изображения Хельсинки на материале романа Челя Вестё «Мираж 38», ранее не исследованного отечественными литературоведами. Особенno интересны писателю переломные моменты, имеющие значение для Финляндии в целом. Исторические реалии в романе «Мираж 38» сочетаются с описанием атмосферы предвоенного времени. В статье устанавливается, что образ Хельсинки у Ч. Вестё строится на оппозициях «своих» и «чужих», которые актуализируются на нескольких повествовательных уровнях. Они представлены идеологическими разногласиями, воплощающимися в полифонизме голосов действующих лиц, описанием языкового барьера между шведским и финским населением страны. Языковой барьер выражается и в использовании иноязычной лексики, что не только разделяет самих героев, но и создает дистанцию между ними и читателем. Также писатель проводит параллель между событиями 1938 года и временем гражданской войны, когда финское общество разделилось на два лагеря. Образ главного героя становится связующим звеном, соединяющим ставших «чужими» граждан одной страны.

Ключевые слова: шведская литература Финляндии, XX век, Финляндия, роман, Чель Вестё, оппозиция «свой – чужой»

Чель Вестё (Kjell Westö, род. в 1961 году) – современный писатель из Финляндии, создающий свои произведения на шведском языке. Он дебютировал со сборником стихотворений «Оранжевое танго» (Tango Orange) в 1986 году и стал известен благодаря рассказам и урбанистическим романам, повествующим о Хельсинки (первый роман – «Воздушные змеи над Гельсингфорсом», 1996 год). Особый интерес для писателя представляют переломные моменты в истории столицы, которые по значимости не ограничиваются пределами города, а имеют значение для всей Финляндии: периоды экономического расцвета и упадка, гражданская война и мировые войны, разрастание Хельсинки за счет пригородов и т. д. Специфика романов Ч. Вестё состоит в том, что эти события показаны с позиции шведского населения страны, языкового меньшинства, которое в истории Финляндии играет важную роль и даже сегодня занимает особую позицию в финском социуме.

Творчество Ч. Вестё представляет значительный интерес для ученых, которые не только отмечают значимость созданных им произведений в истории литературы Финляндии (М. Экман, М. Чиараволо, М. Маццарелла), но и погружаются в отдельные аспекты его творчества. Функции иноязычных вкраплений, многоязычие романов Ч. Вестё стали объектом исследований Б. Хаагенсен, Ю. Тидигс, К. Векстрём. Романы писателя послужили основой для изучения проявления национальной идентичности в литературе

ре (А. Нильссон, Б. Рёнхольм) и роли Ч. Вестё в формировании образа Хельсинки (Г. Ботта). В данной статье мы попытаемся выявить особенности авторского стиля Ч. Вестё, проявляющиеся в изображении Гельсингфорса-Хельсинки и страны в целом, на материале одного из новых романов – «Мираж 38» (Hägring 38), вышедшего в свет в 2013 году.

В своих произведениях Ч. Вестё описывал столицу Финляндии разных исторических периодов: от начала XIX века до 70–80-х годов XX века, там же, как правило, и разворачивается действие романов. Изображая жизнь Гельсингфорса-Хельсинки, Ч. Вестё мало говорит об актуальных событиях провинции (в отличие от таких писателей, как Герда Гранхольм, Кристина Коркман, Альф Снелльман и др.), но через описание жизненного пути своих персонажей составляет полную картину общественной жизни.

Для исторических романов одной из важных составляющих является достоверное сочетание известных фактов с художественным вымыслом. Стремление Ч. Вестё передать дух времени реализуется, с одной стороны, в активном использовании исторических реалий, с другой – во внимании к настроениям и идеям, актуальным в обществе того или иного периода. Во всех своих романах автор вводит в повествование подробности, знакомые широкому кругу финских читателей: названия улиц, ресторанов, фильмов и пр., описывает известные события (например, в романе «Мираж 38» – присуждение четвертого

места финскому бегуну еврейского происхождения, который в забеге пришел первым¹), использует текст реально существующих документов (текст бюллетеня Австрийского референдума по аншлюсу).

Действие романа «Мираж 38» происходит в 1938 году, а «для многих литераторов это было время мрачной реакции и подавленного состояния» [4: 168]. Исторический фон произведения – время витающих в воздухе радикальных националистических взглядов: в тексте упоминается «Великая Финляндия, простирающаяся за Урал» (18)², о ней говорили коллеги главного героя произведения, «когда изрядно напивались за ужином после собраний Финской Ассоциации адвокатов» (18). В отличие от них адвокат Клас Туне не разделяет подобных взглядов на мир, не следует за популярной идеологией и не делит людей по национальному признаку. Он ставит себя в позицию наблюдателя:

...сейчас требуется безусловная любовь к некой не-постижимой родине, которая наделяется женскими чертами, любовь такая же слепая и безусловная, как любовь крота к своей норе (80).

Внимание к мелочам в совокупности с воспроизведением общей атмосферы, царившей в обществе в определенный период, придает действиям вымышленных персонажей большую правдивость. Это отмечает исследователь М. Экман:

Ностальгия и полный меланхолии взгляд в прошлое – такие же постоянные характеристики Вестё, как историческая точность, чуткость к мелодиям, реалиям и социальному духу времени [5: 299].

Романы Ч. Вестё полифоничны, в них представлены разные точки зрения на происходящие события, воплощенные в образах главных и второстепенных героев произведений. Писатель смешивает исторический подход к изображению событий и современные литературные течения, что отмечают современные исследователи:

Во многих случаях автор представляет разные версии истории, известные персоны выступают в неожиданных ролях, что умножает наше представление о прошлом и будущем [8: 97].

Каждый из действующих лиц романа «Мираж 38», погруженных в созданную писателем атмосферу предвоенного времени, делится с читателем своим мироощущением: Клас Туне, бывший дипломатический представитель Финляндии, не разделяет радости по поводу экономических и политических успехов Германии; его секретарь, Матильда Виик, которая побывала в лагере для военнопленных во время гражданской войны, боится повторения страшных для нее событий; актер Иоаким Яри остро переживает притеснение евреев; друзья Туне, воплощающие собирательный образ влиятельных шведоязычных жителей Гельсингфорса, относятся к новой идеологии нейтрально или положительно, про-

считывая экономическую выгоду; родственники и знакомые Матильды Виик из рабочих кварталов города высказывают разные точки зрения: от незаинтересованности политикой до резкой критики пропаганды, «пускающей людям пыль в глаза» (167).

Герои романа «Мираж 38» противопоставлены друг другу по своему отношению к идеологии нацизма и потребности делить человечество на «своих» и «чужих». Специфика произведения состоит в том, что в нем прослеживается еще одна оппозиция, актуальная для Финляндии. На примере одного города Ч. Вестё показывает существовавшее в 1930-е годы разделение финляндского общества на две группы по языковому признаку. Шведское и финское население Гельсингфорса разнится по социальному положению и имеет мало точек соприкосновения. Вследствие этого в сознании действующих лиц произведения формируется особое пространство, «город внутри города».

Матильда Виик размышляет о том, каким ей видится Гельсингфорс:

Матильда была частью этого большого, шумного города. В ее городе люди были друг другу чужаками. В нем Некто сдвигался в сторону, чтобы Никто не смог занять в трамвае соседнее место.

Но она также знала, что есть и другой город, совсем маленький, только для посвященных. <...> В этом городе все еще безраздельно царствовал шведский язык, на котором говорили дома и на работе, люди все знали друг о друге, и это любопытство было и преимуществом, и обузой (154).

Однако не всегда принадлежность к «элитной» шведской части города воспринимается героями положительно:

Он <Туне> хотел сбежать из этого паноптикума, клаустрофически тесного Гельсингфорса (39).

В сознании Класса Туне, Матильды Виик и других героев романа существует очевидная граница между Хельсинки, в котором живут финские рабочие, и шведским Гельсингфорсом, городом влиятельных и состоятельных граждан. Туне единственный из круга своих друзей пересекает условную границу между этими пространствами – мост Питкасилта (Långa bron / Pitkäsilta) и с удивлением погружается в финскую среду, в которой не бывал уже давно. Ч. Вестё сталкивает две картины родного города в сознании своего героя, и Туне понимает, что его представления о рабочем Хельсинки были совершенно неверны и базировались на отрывочной информации и появившихся за время жизни страхах:

Теперь Туне, поймав себя на мысли, что по дороге в центр удивляется не только тому, что у фрёкен Оландер симпатичная съемная квартира, но и радости жизни, которая лилась из окон высоких домов вдоль Линий, мирному благодушию на улицах. Он понял, что превратился во мгновенного обывателя, стал одним из тех полных предубеждений людей, которых так презирал в молодости (166).

Разрыв между двумя группами населения подчеркивается и на лексическом уровне текста: важной характеристикой героев Ч. Вестё является использование ими иноязычной лексики. По мнению Б. Хаагенсен, разнообразие иноязычных вкраплений подчеркивает разницу между шведоязычной элитой Гельсингфорса и остальным населением. По мнению исследовательницы, таким образом создается образ «микро-Хельсинки», узкого круга, где все друг друга знают и не желают сливаться с финноязычным населением. Специфика речи героев романа направлена также на «исключение» читателя из описываемой среды, подчеркивает дистанцию, существующую между современным человеком и ушедшей эпохой [7: 87].

Как уже было указано выше, начало XX века стало временем усиления национальных настроений в финском обществе. Клас Туне отличает от его друзей открытость общечеловеческим ценностям. Поэтому особенно актуальна для понимания внутреннего мира персонажа проблема соотношения финского и шведского элементов в его самосознании. Разрешение она получает во время разговора Туне с музыкантом Конни Альбеком на палубе корабля во время путешествия из Хельсинки в Стокгольм:

— Приветствую, господин. Вы финн или швед?

<...>

— Финн, но шведской породы, — произнес Туне по-фински. — Вице-судья Клас Туне, — вежливо добавил он и протянул руку.

— Конни Альбек, klarinetist и трубач, — ответил мужчина по-шведски (43).

Несмотря на близость ему общечеловеческих ценностей и опыт жизни в разных странах, Туне осознает себя частью единой финской нации, хоть и выделяет финляндских шведов в отдельную группу.

Таким образом, в изображении финского общества Ч. Вестё уделяет большое внимание языковому и социальному барьеру, который отделяет обладающую властью и деньгами шведскую элиту от остального города. Замкнутость обеих групп порождает предрассудки и взаимную неприязнь:

...финноманы считали их <шведское население> потенциально опасными, отчасти «пятой колонной», стремившейся объединиться со Швецией [9: 98].

Надежда на ее исчезновение появляется, когда главный герой, преодолев надуманные опасения, пересекает эту невидимую границу.

Описание истории Гельсингфорса-Хельсинки и двух групп его жителей в совокупности с расцветом нацизма, разделяющим людей по национальной принадлежности, формирует у читателя ощущение переломного момента, нестабильности ситуации, в которой жили люди того времени. Однако современность не существует в отрыве от истории страны, и на уже описанные особенности накладывается еще одно важное обстоятельство: отголоски гражданской войны в Финляндии. Воспоминания о трагических

событиях, расколивших в свое время финское общество на два враждующих лагеря, в романе «Мираж 38» воплощаются в образе Матильды Виик, которая, побывав во время белого террора в лагере военнопленных, уже долгое время не может избавиться от своих воспоминаний. В настоящем, в 1938 году, ей важно знать прошлое окружающих ее людей:

...тогда царили хаос, нужда и страх, люди совершили такие поступки, о которых потом пришлось умалчивать (9).

Таким образом, вопрос о национальной идее, заложенный в языковом и социальном противостоянии, актуальном для 1938 года, обретает более глубокое историческое звучание. Военные события оставляют неизгладимый след в памяти людей. Важно отметить, что роман Ч. Вестё в своей трактовке событий гражданской войны значительно отличается от тех точек зрения, что предлагали современники. В романе Ф. Э. Силланпяя «Праведная бедность» и новеллах Р. Шильдта представлены полярные точки зрения на происходившие события. Безусловное оправдание одной из участнивших сторон и порицание другой через несколько десятков лет стали неактуальными. Писатели переосмысливают последствия «красного» и «белого» террора и впервые за долгое время пытаются показать читателям, что и в одном, и в другом случае сторонники и красных, и белых желали своей стране лучшего, но тем не менее одинаково страдали от последствий военных действий. Этими настроениями проникнута трилогия В. Линна «Здесь под северной звездой», которая, по словам Я. В. Новиковой, стала «поводом для переоценки событий Зимней войны и войны-продолжения в масштабах всей страны» [2: 50], а также некоторые романы Ч. Вестё, в том числе и «Мираж 38». Тем самым в литературе начинает воплощаться стремление нации к единению, к диалогу как к «особой стратегии действий и даже особой форме рациональности» [3: 147].

Роман «Мираж 38» остается в русле тенденций, характерных для творчества Ч. Вестё в целом. В данном произведении изображена оппозиция «своих» и «чужих» в пределах одной страны. Отголоски гражданской войны еще не сгладились в повседневной жизни и не дают возможности финской нации стать единым целым. Кроме того, даже в современном (для времени повествования) Хельсинки еще велика дистанция между носителями финского и шведского языков. Шведоязычное меньшинство образует замкнутый, закрытый круг, «свой» Хельсинки. При этом сложившаяся языковая ситуация стабильна, поскольку поддерживается законодательно (см. [1: 23]). В третьих, в романе «Мираж 38» мы становимся свидетелями возникновения нового противопоставления «своих» и «чужих». Идеология нацизма призывает к разделению людей по национальному признаку, и в этом вопросе на момент происходящих событий точка еще не поставлена. Каждый из героев решает самостоятельно, к какому из мнений

прислушиваться. В образе главного героя, Класа Туне, предвосхищается преодоление «языкового барьера», ведь после Второй мировой войны в Финляндии «возникла новая национальная идентичность, не зависящая от родного языка» [6: 117].

В своей урбанистической прозе писатель поднимает вопрос о сосуществовании разных групп людей в пределах одного города, одной страны, о мироощущении финляндских шведов

как особой части финского общества. Оппозиция «финского» и «шведского» выявляется и на материале других произведений Ч. Вестё: «Там, где мы бродили однажды» (Där vi en gång gått), «Воздушные змеи над Гельсингфорсом» (Drakarna över Helsingfors) и др. В творчестве Ч. Вестё шведоязычный Гельсингфорс становится особым пространством, отделенным от финского Хельсинки.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Имеется в виду Авраам Токайзер, который в романе «Мираж 38» представлен как Саломон Яри, племянник одного из персонажей.
2. Здесь и далее текст романа «Мираж 38» («Hägring 38») Челя Вестё цит. по Westö K. Hägring 38. Stockholm: Bonnier, 2013. 299 р. В круглых скобках указывается страница.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Картушина Е. А. Три этапа формирования современной языковой ситуации в Финляндии // Ежегодник финно-угорских исследований. 2015. № 3. С. 19–36.
2. Новикова Я. В. Формирование реалистической традиции изображения войны в финской прозе XX века // Уралитика: Материалы 45 Международной филологической конференции / Под ред. Н. Н. Колпаковой. СПб., 2016. С. 49–56.
3. Соболева М. Е. О возможности диалога между культурами // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 147–157.
4. Соини Е. Г. Солоневичи и Север. Финляндская проблематика в литературном наследии Солоневичей и важнейшие черты публицистики Финляндии 1930-х годов. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 244 с.
5. Finlands svenska litteratur 1900–2012 / Red. M. Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2014. 376 p.
6. Gunnesson A.-M. Mötesplats eller kulturell järnrida? Finlandssvenska författare och franskspråkiga flamländska författare vid språkgränsen // Gränser: populärvetenskapliga föredrag om humanistisk forskning. Humanistdag-boken 16. Kungälv: Göteborgs universitet, 2003. P. 111–118. Available at: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/10617> (accessed 24.10.2017).
7. Haagensen B. Två tider – två miljöer – två romaner. Språkväxling i Kjell Westös Helsingforsskildringar // Språkmöten i skönlitteratur. Perspektiv på litterär flerspråkighet / Red. S. Björklund, H. Lönnroth. Vasa: Vasa universitet, 2016. № 6. P. 75–90.
8. Hatavara M. History After or Against the Fact? Finnish Postmodern Historical Fiction // Nodes of Contemporary Finnish Literature / Red. L. Kirstinä. Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. P. 96–111.
9. Spjut L. Den envise bonden och Nordens Fransmän: Svensk och finsk etnicitet samt nationell historieskrivning i svenska och finlandssvenska läroböcker 1866–1939. Umeå: Umeå universitet, 2014. 165 p. Available at: <http://umu.diva-portal.org/smash/get/diva2:716651/FULLTEXT01.pdf> (accessed 24.10.2017).

Matashina I. S., Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)

CHARACTERISTIC FEATURES OF THE IMAGE OF FINLAND IN KJELL WESTÖ'S NOVEL "MIRAGE 38"

The purpose of the article is to reveal characteristic features of the image of Finland on the material of the Kjell Westö's novel "Mirage 38", which was not previously studied by Russian literature scholars. The writer is especially interested in the turning points significant for the whole Finland. The historical realities in the novel "Mirage 38" are combined with the description of the atmosphere of the prewar period. It was established that Westö's image of Finland is based on the contraposition of the "our" and "others", actualized at several narrative levels. They are represented by the ideological differences, embodied in the polyphony of the voices of active participants, and by the description of the language barrier between the Swedish and Finnish population of the country. The language barrier is expressed in the use of foreign words, which divides the main characters and creates some distance between them and the readers. The writer also draws a parallel between the events of the 1938th and the time of the civil war, when the Finnish society was divided into two groups. The image of the protagonist turns into a connecting link between alienated citizens of the same country.

Key words: Swedish literature of Finland, XXth century, Finland, novels, Kjell Westö

REFERENCES

1. Kartushina E. A. Three periods of the language situation development in Finland. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy*. 2015. No 3. P. 19–36. (In Russ.)
2. Novikova Ya. V. Realistic traditions of the war depicted in the Finnish prose of the XX century. *Uralistika: 45 International Philological Research Conference*. St. Petersburg, 2016. P. 49–56. (In Russ.)
3. Soboleva M. E. On the possibility of the dialogue between cultures. *Voprosy filosofii*. 2009, No 3. P. 147–157. (In Russ.)
4. Soini E. G. The Solonевичes and the North. Finland in the literary heritage of the Solonевичes and the major features of publicism in Finland of 1930s. Petrozavodsk, Karel'skiy nauchnyy tsentr RAN Publ., 2010. 244 p. (In Russ.)
5. Finlands svenska litteratur 1900–2012 / Red. M. Ekman. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet i Finland, 2014. 376 p.
6. Gunnesson A.-M. Mötesplats eller kulturell järnrida? Finlandssvenska författare och franskspråkiga flamländska författare vid språkgränsen. *Gränser: populärvetenskapliga föredrag om humanistisk forskning. Humanistdag-boken 16*. Kungälv: Göteborgs universitet, 2003. P. 111–118. Available at: <https://gupea.ub.gu.se/handle/2077/10617> (accessed 24.10.2017).
7. Haagensen B. Två tider – två miljöer – två romaner. Språkväxling i Kjell Westös Helsingforsskildringar. *Språkmöten i skönlitteratur. Perspektiv på litterär flerspråkighet* / Red. S. Björklund, H. Lönnroth. Vasa: Vasa universitet, 2016. № 6. P. 75–90.
8. Hatavara M. History after or against the fact? Finnish Postmodern Historical Fiction. *Nodes of Contemporary Finnish Literature* / Red. L. Kirstinä. Helsinki: Finnish Literature Society, 2012. P. 96–111.
9. Spjut L. Den envise bonden och Nordens Fransmän: Svensk och finsk etnicitet samt nationell historieskrivning i svenska och finlandssvenska läroböcker 1866–1939. Umeå: Umeå universitet, 2014. 165 p. Available at: <http://umu.diva-portal.org/smash/get/diva2:716651/FULLTEXT01.pdf> (accessed 24.10.2017).

Поступила в редакцию 27.10.2017